

Случайные
встречи...

Иоланта
Сержантова

12+

Иоланта Сержантова
Случайные встречи...

«Автор»

2021

Сержантова И. А.

Случайные встречи... / И. А. Сержантова — «Автор», 2021

ISBN 978-5-00140-730-0

Сборник рассказов, притч, новелл, эссе о природе Родины, любовь к которой формирует ответственность перед нею ... Рекомендуется для использования во внеклассной работе с учащимися школ и средне-специальных учебных заведений.

ISBN 978-5-00140-730-0

© Сержантова И. А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Случайная встреча	5
Нижний	7
Яблочко	8
Выпускной	9
День	11
Расчёт	13
Владимир Иванов	15
Клёст	17
Пирожок	19
За одну жизнь	21
Мороз	22
Мир, в котором есть метель	23
Запретный плод	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Иоланта Сержантова

Случайные встречи...

Случайная встреча

Как ясно и светло на душе, радостно, уютно... Вокруг серость и сумрак, словно день слился с ночью, а земля с небом. И всё бы оно было именно так, если б олень, что шёл навстречу, не остановился вдруг. Он не кинулся бежать, вырываясь из цепких рук страха и кустов, не распускал нервно, рывком петли связанной травы, не стряхивал торопливым бегом с зимних жёстких ковров снег. Нет! Он был иным. Распахивая широкие ноздри навстречу, клонил тяжёлую мягкую голову долу, и тихо, спокойно шёл мимо. Не сторонясь, не уступая дороги, но мирно взглядывая снизу вверх, вопрошая как бы:

– Ты тоже... гуляешь тут?

И на этот столь явный, беззвучный вопрос, я ответил своим:

– А ты чего такой... грустный?

Олень фыркнул громко, словно рассмеялся, и обрызгал, ибо как раз проходил мимо, едва не касаясь моего плеча. Я снял варежку и вытер тыльной стороной руки щеку, а олень, сконфузившись, хрустнул ухом, поворотя его к лесу.

– Да, пустяки! Бывает! – Беззаботно махнул рукой я, а олень медленно, благодарно кивнул, разобравшись и с жестом, и с музыкой слов. – Знаешь, сказать кому, не поверят. – Улыбнулся я, глядя ему прямо в глаза.

– Так и не говори! – Промолчал олень, а у самого – весёлая лукавая искра, так и подпалила взгляд.

– Слушай, а правда... Чего ж ты не убежал? Ты совсем меня не боишься?!

– А что, надо? – Почесал под лопаткой олень.

– Нет! Нет, конечно!

– Ну, вот и я так подумал. – Олень нагнулся и пожевал коленку.

– Блохи? – Посочувствовал я.

Олень жалобно вздохнул. И только я хотел предложить ему помощь, как вдруг, перекинув взгляд через моё плечо, он заметил кого-то вдали. Олень занервничал, и, брыкнув¹ осторожно по покатоному снежку подле моей ноги, прошептал, пользуясь порывом ветра:

– Пора мне...

Ладный, статный, – олень прижал уши, пригнул голову и резко выпрямил её, развернувшись в тот же миг, так что снежная пыль бледным облаком прикрыла не одни лишь крутые бока, но его всего, от карих ресниц до розовато-коричневых копыт.

Улыбаясь счастливо и грустно одновременно, я шёл домой. Лесник, которому не удалось застать нас вдвоём с оленем, остановил меня, чтобы спросить:

– Кто это был, с тобой?

– Со мной? Никого! Показалось...

¹ стукнуть, пнуть

Я не любил врать, но на то он и лесной сторож, чтобы читать по следам, как по букварю, и вскоре поймёт всё сам, да, скорее всего, промолчит о нашей случайной встрече.

Нижний

– И что ж ты суетишься, неугомонный? Хочешь, чтобы тебя заметили, – займись чем-нибудь полезным!

– Чем!? Скажи, и я – сразу же!

– Вот, чудак-человек, да любым, интересным тебе и миром искомым делом! А то ж беспокоишься, других тревожишь попусту, как газетой по гвоздю – забить не забьёшь, но хлопашь... Пыли много.

Утро расчёсывало бесформенный колтун леса, и он понемногу стал обретать форму кроны, проявились толстые, густые, растущие низко над бровями оврагов, цыганские пряди, посечённые в самом верху многими мелкими веточками. Слабые, податливые на первый взгляд, с нелёгкой самотной² мудростью умирляли они грубость ветра, порывы дождя и потоки снега, перекладывая его бремя на более крепких нижних³. Ни единожды не побывав в цирке, веточкам, не иначе, как по наитию, оказался хорошо знаком этот уклад, по которому: красивое и лёгкое, нахальное, бесшабашное, яркое – всё поверху, а то, на чём держится мир – доброта, сила, всепрощение, основательность – тыл! – мало кому видимое, незаметное, рвёт жилы внизу, ибо недосуг оглядываться, да проверять – не вменили ли ему кто усилий в вину. Не для того они, не из интересу, но одной лишь совести ради. Для неизменной крепости мира, что, как стоял до них, так и простоит ещё тысячи лет.

Это ж какое надо иметь сердце, чтобы по всю жизнь прожить нижним. Осознанно, не упрекая никого в тяжести ноши, утруждая себя чужим, как своим.

Покуда ветви и веточки упиваются собственным совершенством, нет-нет, да вылетит из лесу дятел, либо другая какая птица, присядет ближе к окну. А вот уже косули с лисами бродят неподалёку, олень переночевал в снегу под яблоней, и перекопал дорожку подле дома кабан... К чему, зачем напоминают они об себе? Проходят на виду нарочно, чтобы было видно их, заметили чтоб. Для того, дабы не позабыли про них невзначай?.. Тихонько присматриваются из-за кустов, чем заняты, или ищут встречи, чтобы глянуть прямо, глаза в глаза, постичь с налёта, – у кого искать помощи, в случае чего, ближе прибиться или бежать прочь, без оглядки.

Мы выглядим не такими, каковы в самом деле, зачастую пугаем друг друга, доводим до слёз, с намерением утешить после. И от того лишь представляемся добрыми. Так синицы страшат воробьёв. Обнимают крыльями ту часть эфира подле себя, которая им принадлежит, ерошат короткие чубы, чтобы казаться старше, больше, надувают щёки, будто бы дуют на горячее. Остывают скоро, как тот же, налитый в блюдце, чай. И неясно – всерьёз они или так только; из гонора, либо от страха. Со стороны-то, – будто меряются уловом подгулявшие возле лунки рыбаки.

...Вечерняя заря словно явилась затем, чтобы вновь привести в беспорядок лес. Его причёска снова безнадёжно испорчена, и в пышности своей мрачна, как всё неопределённое. Сытые птицы улетели в тепло, а в доме пламя машет из глубины печи жаркой ладонью. То ли прощается, то ли желает здравствовать, – кому про то забота? Тепло, сухо, да и ладно. Ибо скрытна печь, и занята всего одним, но добрым делом.

² эгоизм

³ Верхний – цирковой артист, который стоит на голове, руках или плечах у **нижнего**: делает сальто и другие прыжки с подкидной доски, с плеч, с рук на плечи, на руки **нижнего**. **Нижний** принимает себе на плечи, на руки верхнего после выполнения им трюков в воздухе. На плечах и голове **нижнего** верхний делает стойки.

Яблочко

Было слышно, как за окном кто-то ходит. Скрипучие ботинки налипшего на чью-то поступь снега звучали расстроенной первой струной. Словно бы кто никак не решался войти в дом и долго раздумывал, прежде чем постучать.

– Ну, право слово, заходите уже, что ли, – с изрядной долей досады я распахнул дверь, но с удивлением обнаружил, что там никого нет. – Что за дела?

Осматривая пространство, на которое хватало взгляда, заметил в саду поползня, что во всю трудился над замороженным яблочком. Оно чудесным образом избежало печи зимы. Обронённое ветром в снег, оказалось совершенно целёхонько, будто бы только что спрыгнуло с ветки, с намерением укатиться как можно дальше, да не рассчитало со сроком. Было б ему решиться пораньше, а не в канун первого стоящего снегопада. Неяркий розовый бочок яблока сиял, затерянный в складках снега, как капелька крови на нежном пальчике белошвейки, ловко настигнутым иголкой.

Не насытившись, но добившись некой степени довольства, поползень улетел, уступив место дятлу. Тот взялся за дело основательно. Обхватив яблочко крепкими пальцами, поздоровался с ним, притронувшись щекой, сравнил его румянец со своею бледностью, и от приятности сей встречи, от полноты чувств принялся поливать хохотом округу так, как это умеют одни дятлы: «Ах-ах-ах!» – тонко всхлипывал он, содрогаясь всем телом. Повременив для приличия, дятел расслабил шарф языка⁴, и лишь после отважился отломить первый кусочек. Вкусил он так, словно решил устроить себе в яблочке дупло, неумолимо простукивая его от центра к краю.

Наблюдая за птицами, я совсем позабыл, что не одет, и не сразу почувствовал, как зябну, а когда вдруг чихнул, спугнув дятла, то расстроенным ушёл в дом.

Целый день, до самого вечера я поглядывал в ту сторону, где лежало яблочко. Да, либо оно уж было съедено, то ли выпадала пустая минута, чтобы поглядеть, но я так и не заметил поблизости от него никого больше.

Наутро, когда мы с собакой вышли погулять в сад, яблочко-таки нашлось. Предмет вчерашних вздыханий, тревог и наслаждений, лежал полностью опустошённым. Одна лишь твёрдая, прихваченная льдом скорлупка его кожицы держала форму. Нетронутую никем румяную щёчку пощипывал мороз, а ветер, что стоял рядом, шумно вздыхал у него над ухом, сдувая с деревьев сухой снег, но так и не посмел его остановить.

⁴ у дятла язык растёт из правой ноздри, на выходе разделяется на две половины, которые охватывают всю голову с шеей и выходят через отверстие в клюве, где снова соединяются; в полёте язык размещается в скрученном состоянии в ноздре и под кожей позади шеи; длина языка – треть длины тела дятла

Выпускной

Моим одноклассникам посвящается...
г. Воронеж, средняя школа №21, 10 «б»
Выпуск 1981 года

О том, каким будет наш выпускной вечер, разговоры велись чуть ли с конца девятого класса. Станным образом, мы не придавали значения грядущей разлуке. Скорее всего, не верили в неё. Прочувшись десять лет вместе, мы не представляли жизни друг без друга. Окончание школы казалось чем-то вроде затяжных каникул, после которых мы, конечно же, непременно соберёмся, рассядемся по своим местам, откроем тетради, и, как никогда внимательно, станем слушать учителя и записывать. И это никогда не закончится.

Ничто не могло омрачить нам приятности расставания со школой, но на весенних каникулах, во время поездки в Киев, случилась непредвиденная. Один из учеников отравился питьём, и попал в реанимацию, а Отдел образования не придумал ничего лучше, как, в назидание, уволить директора. И последнюю, четвёртую четверть, школа работала под руководством другого, совершенно чужого нам человека.

– Имейте в виду, – любое нарушение и аттестат выдан не будет. – Мелкий, худой новый директор школы, пришедший на смену уволенному, словно восполняя недостаток роста, сидел прямо на учительском столе, и, оправдывая свою фамилию Ляпкин⁵, бросался словами, как грязью, упиваясь властью над учащимися. И это было так явно, так неприятно, и так не по-советски.

– Вы, ничтожные, презренные люди, думаете, что я не справлюсь со всеми вами? Ха! Я научу вас уважать порядок! Вы запомните меня на всю оставшуюся жизнь. Я буду сниться вам в страшных снах! И никто, я повторяю, – никто не дёрнется, потому что все вы у меня вот здесь, – Ляпкин сжал свой костлявый кулачок и потешно потряс им у себя перед носом.

– Никакого теплохода, никакого рассвета, только танцы в актовом зале под надзором учителей и родителей, а потом по домам. – Продолжал он, постукивая каблуком ноги, обутой в ботинок неприлично малого, для взрослого человека, размера, по ножке парты.

И ведь он даже не пытался скрыть, что шантажирует нас, а, заранее вымарывая из сердец само предвкушение радости грядущего выпускного вечера, срывал с уже почти что вчерашних школьников крылья грядущей свободы выбора, так же безжалостно, как обрывают лепестки с цветов ромашки, гадая про нелюбовь.

Всем своим видом Ляпкин вызывал удивление и насмешки. Он не мог не понимать это, а посему боролся за своё право быть директором, как умел. Впрочем, выходило у него дурно. Будь он строг, но весел и, что главное, – справедлив, ему бы наверняка простили назначение на место любимого всеми Юрия Макаровича, – ну, не сам же он себя назначил, в конце концов. Но Ляпкин желал царить со своего трона, болтая ножками и зловеще усмехаясь. Ну и кому такое понравится?

– За каждое опоздание – «двойка» в журнал, за прогул без уважительной причины – «кол».

– А если мне надо будет уехать на соревнования? – со своего места поинтересовался я.

⁵ бросать, делать что-л. небрежно, как попало, говорить необдуманно, бестактно

– Кто это посмел вякнуть, пока я разговариваю?! – Взвился Ляпкин. – Встать!!!

Я преувеличенно медленно поднялся со своего места:

– Ну, во-первых, я не вякаю, а говорю, и, во-вторых, – почему вы позволяете себе беседовать с нами в подобном тоне? Кто вам дал такое право?

– Что-о-о!?! – Ляпкин побагровел, соскочил со стола, на котором сидел, сразу же потеряв при этом в росте, засуетился ещё больше, и принялся выкрикивать нечто в высшей степени оскорбительное. Бурный поток, геенна его бессвязной речи доносила до наших ушей слова, среди которых отчётливо звучали: «колония», «тюрьма» и даже «расстрел».

Дождавшись, пока директор выговорится, я собрал портфель и спокойно сообщил:

– Подобная экзекуция не входит в учебную программу, к тому же, я отношусь к себе с достаточным уважением, чтобы избавить вас от своего присутствия.

Держу пари, из-за обуревавшей его ярости, Ляпкин мало что разобрал из моих слов, а пока я шёл мимо него от парты к двери, пытался подпалить меня взглядом, но так и не посмел остановить.

Через некоторое время, после череды соревнований, мне пришлось вернуться в школу. Ляпкин избегал моего взгляда, я старался не попадаться ему на глаза, но если вдруг где-то в коридоре заставал его за тем, как он выговаривает кому-то из учеников за провинность, то быстро закруглялся и отправлял бедолагу в класс.

Короткая последняя четверть тянулась утомительно долго. Когда же, в положенный срок, после окончания экзаменов по всем предметам, нарядные и розовые от волнения мы пришли на выпускной вечер, нас ожидал оцепленный учителями и родителями актовъй зал и тёплое, выдохшееся шампанское на столах. Взрослые даже не осознавали степень своего участия в крушении наших надежд. Пока девочки танцевали друг с другом в нелепых, чуть ли не свадебных нарядах цвета бело-розового зефира, мальчишки, не стесняясь никого, нарезались напитками, заранее припрятанными в туалете. И никто не смог им в этом помешать...

Было грустно. После танцев, под тем же конвоем учителей, мы прошлись «в никуда», две остановки по трамвайным рельсам, но так как ни одна команда теплохода не готовилась ко встрече с нами, и даже солнце, что с волнением ожидало своего выхода за кулисами горизонта, не брало нас в расчёт, мы разбрелись по домам.

Аттестат об образовании мы получали на следующий день у секретаря. Неумело ставили закорючку напротив своей фамилии, и, не оглядываясь на школу, уходили, рассчитывая больше никогда не слышать в свой адрес незаслуженных грубостей и обидных слов.

Как оказалось, мы были не правы. Впереди нас ожидало не одно лишь светло-розовое будущее. Но ...встретить зарю после выпускного, это же не просто вам – поплясать до утра, такое бывало сколько угодно, в каждый новый год. Директор лишил нас первого рассвета новой жизни, и незримого знака, символа, которым наделяют каждого, прошедшего бок о бок десятилетку «от звонка до звонка», на первой утренней заре неведомого никому пути.

День

День замкнулся в себе. Укрывшись за ширмой снегопада, он попеременно то шуршал за нею чем-то, то стучал непонятно по чему. Дабы разоблачить его, требовалось набраться духу и вступить за ограниченный им предел, преодолеть крепостную стену сугроба, перейти вброд пойму снежной реки, а там уж, коли будет на то добрая воля...

Когда мне, наконец, удалось найти путь и одолеть уготованные этим днём преграды, то встретил её. Она стояла, раскинув в сторону руки, точно для объятий, и раскачивалась в томном танце, ведомая ветром. Средние пальцы при этом как бы заламывались, на манер кисточек ушей белки, и было заметно, что ей казалось, будто этим привлекает к себе внимание, хотя в самом деле, глядя на то, делалось смешно или даже немного грустно. Её сарафан, местами протёртый от усердной стирки, был заштопан чёрными нитками, но, несмотря на то, выглядел нарядным. В нерешительности, она простаивала у дороги часами, но, когда казалось, что вот, ещё немного, и уже будет готова идти, её руки опускались. Впрочем, было неясно, – все ли берёзы таковы, либо есть те, которым нравится видеть подле себя одно и то же во все времена года.

Тонкие пальцы её рук, были унизаны перстнями раскалённых, будто бы проволока не печи, красных лап воробьёв, а прямо у ног устроилась синица с кусочком сала. Изогнув хвост, как кошка, она неспешно смаковала лакомство, того и гляди – примёрзнет.

-Ту-ту-тук, ту-ту-тук, ту-ту- тук! – Ритм, что выбивал дятел в вязаной спортивной шапочке неподалёку, перекликался со стуком колёс паровоза, который грузно отдувался за поворотом и грозно упреждал о своём появлении. И вот, когда уж можно было отдать все звуки на откуп одному только дятлу и разыгравшемуся воображению, паровоз явился, словно призрак, медленно очаровывая своей основательностью, статью и округлыми формами. Недаром дети так любят наблюдать за этими, вечно уставшими существами, что и ходят отдуваясь, и шумно дышат если пьют!..

Паровоз давно уж скрылся за следующим грациозным изгибом рельс, а неутомимый дятел, роняя наземь опилки, да осколки льда, всё передавал и передавал лесу азбукой Морзе. Стараясь пробиться сквозь мглу, отправлял: то апостроф, то знак вопроса, то «ч», то «ш», как будто бы знал, что нет таких по-латыни, и так, и эдак – чужие его не поймут.

Лес же, невозмутимо и настойчиво телеграфировал ему в ответ по Шаппу⁶, не выходя, впрочем, за рамки трёх букв: D, E и F, а при том, что пни были и вовсе немногословны, – на какой не глянь, – каждый оказывался идеалист⁷.

Внезапно, ни с того, не с сего, опрокинувши навзничь ширму, явилось солнце, и, безо всякого видимого труда, раскрасило унылый зимний день своею мягкой кистью. Так, что небо стало вдруг хрупким, бирюзовым, как эмаль на старом блюде, а все округ засияло золотистой, осыпающейся, бесконечной узорной пылью... В единое мгновение сдуло пепел серого дня и с него самого, и с чувств, что вызывали его тоскливые взоры, и с надежд, которыми он растапливал печь своей немоги.

Вечером, когда влажный дуб звучал в печи, будто бы щёлкал семенами подсолнечника, и дом, вдыхая этот, взявшийся ниоткуда маслянистый аромат, принялся греметь пустыми горшками, да сыпать крошками мимо стола, я глядел сквозь трепет остроконечных оранжевых

⁶ Азбука телеграфа Шаппа

⁷ 9 в нумерологии идеализм; любой пень – вертикальная черта, в азбуке телеграфа Шаппа – цифра 9

лепестков пламени и улыбался, припоминая крупную гладкую сойку с полной, как у купчихи, шей, что напугала нынче, стряхнув с ветки, прямо мне на голову, снег.

...Отсрочивая встречу с солнечным днём, ты рискуешь застать, в лучшем случае, только закат.

Расчёт

Это было, не много ни мало, ровно через тридцать лет после окончания Великой Отечественной войны. Чтобы понять, насколько невелик этот срок, достаточно вспомнить о чём-то значительном, произошедшем в жизни. Будет довольно оценить собственное недавнее появление на свет, чтобы приблизиться к пониманию скоротечности времени и краткости величия человеческого бытия.

В пору нашего взросления существовала традиция – напоминать, сколько людей не вернулось домой с войны. Оставшиеся в живых не предъявляли нам счёт, но искренне, глубоко и безыскусно радовались за нас, находящихся в счастливом неведении, что такое война. Единственная малость, о которой просили они, – сохранения памяти о погибших, скромного, на века, уголка в душе, отведённого именно для тех, кто возложил на алтарь Победы свою жизнь и любовь к ней.

Вольно или невольно, но мы задумывались о войне, пытались вообразить, – что бы делали, случись такое теперь, с нами, смогли бы совершить подвиг, или, хотя бы, проснувшись в окопе, по пояс в воде, не запросились бы малодушно к маме под юбку. И это несмотря на то, что почти в каждой семье, бок о бок с нами, жили фронтовики, и мы запросто называли их по имени, либо просто: «дед», «отец», «бабуля» или «мама». Но они-то были родными, близкими, не похожими на героев. В нашем представлении, настоящий герой – широкий в плечах богатырь, он не ест, не пьёт, а только бьётся с неприятелем, расшвыривая его ряды налево и направо, а если попадает в плен, то, когда его ведут на расстрел, он смеётся и плюёт врагам в лицо.

Вот про это про всё мы и рассказали учителю на перемене, когда украшали классную комнату к празднику. Будучи довольно молодым человеком, он выслушал нас с величайшим вниманием, и, как оказалось позже, неспроста.

Через несколько дней, восьмого мая 1975 года к нам в класс вошёл солдатик образца 1945 года. Невысокий, худой, в выгоревшей пилотке и гимнастёрке, с одним-единственным орденом на груди. Он был таким стеснительным, и невзрачным. словно из массовой кинокартины про войну. Ребята сразу обступили его, чтобы попросить разрешения потрогать орден. Солдатик покраснел, засмутился, снял пилотку, утёр ею со лба пот, и дозволил, конечно, – трогайте, мол, да не оторвите. И потянулись десятки мальчишеских рук, гладить запёкшуюся кровью эмаль награды... И у всех на устах один только вопрос – за что, за какой подвиг удостоили солдата. А тот засмутился пуще прежнего, отвёл острое плечо чуть назад, головой повернул немного кверху, и, пальцем к потолку, вроде бы как пальнул.

– Да, самолёт я сбил из винтовки. Случайно... – Произнёс солдатик и виновато улыбнулся.

Ребята всполошились сразу, что да как, да так не бывает, а солдатик на учителя глянул, и достал из нагрудного кармана карточку какую-то, как после оказалось – документ к ордену, с приказом, где всё и описано, – кем, в каком населённом пункте, да из какого оружия был сбит самолёт.

Оказалось, что это отец нашего учителя. Мы так хорошо поговорили в тот день. Невзрачный с виду солдатик, понятно и просто рассказывал нам о том, как боролись они с усталостью, голодом и страхом, как хоронили товарищей, как удалось не только выжить, но победить в страшной, окончившейся совсем недавно, войне.

После той встречи мы почти перестали волноваться, справимся ли мы сами, в случае чего. Ну – если только совсем немного... И поняли, что люди не рождаются воинами. Они появляются на свет для того, чтобы сохранить мир и сделать чуточку лучше, но, если приходит такая нужда, – защитить его, то они... Они не забывают о себе, вовсе нет! Но на передовую души делает шаг вперёд такое звонкое беззаветное чувство, как любовь к Родине, в которой живут родные по крови и по духу люди. И их надо защищать, всех до единого, как свою семью. Ну, а какие счёты могут быть между близкими людьми?..

Владимир Иванов

Фамилия Иванов
стоит на первом месте
в списке 100 самых распространённых ...⁸

Мелкий снег пеплом сыплется на землю. У срока, что сжигает жизни, нет времени, чтобы прибраться за собой.

Собравшись вокруг перевёрнутого кверху ножками табурета, обвязанного алыми ленточками, внутри которого жужжит вентилятор, мы поём про то, как тесно огню в печи, и про поленья, что плачут от того смолой. Слабый ветерок играет тряпочками, и выходит, будто бы мы греемся подле буржуйки или у костра. Как не пытались мы уговорить завхоза поджечь несколько деревяшек в тазу, он не позволил. Сказал, что из-за одного вечера было бы глупо спалить целую школу.

Мы – школьники. В гимнастёрках, примятых у талии широким солдатским ремнём и пилотках, со сцены актового зала выступаем для одноклассников, учителей и особого гостя, артиста Владимира Иванова, который играл роль Олега Кошевого в фильме «Молодая гвардия», по роману Александра Фадеева.

Совсем недавно, на уроке литературы мы буквально по строчкам разбирали это произведение. Описанные в нём герои были такими же, как и мы, – совсем ещё детьми. Со свойственной юности бесстрашием, они, как умели, боролись с фашистскими захватчиками, но убиты были, как взрослые.

Мы много спорили о жестокости, предательстве, даже бессмысленности гибели молодогвардейцев, и вот теперь, перед нами оказался человек, который сумеет ответить нам на все вопросы, – зачем, почему и как. Но... разве он мог?!

Владимир Николаевич не выглядел намного старше своих пятидесяти. Непослушная чёлка зачёсом назад, по фасону сороковых годов, упрямые широкие скулы, решительный взгляд. Но тем не менее, в его облике явственно проглядывали черты погибшего героя, мальчишки с дерзкими, ясными глазами и отчаянной душой.

Артист Иванов много говорил об Олеге Кошевом, но почти ничего не рассказывал про себя. Вспоминал о том, как знакомился с друзьями и близкими молодогвардейцев, колот дрова во дворе его дома, и не мог заставить себя есть из-за того, насколько глубоко переживал трагедию юных подпольщиков.

О судьбе своих ровесников, членов «Молодой гвардии», Владимир Николаевич узнал в 1943-м году, на фронте, куда, конечно же, он вызвался идти сам, добровольцем, и точно так же, как многие, в комиссариате приписал себе к возрасту один лишний год. Служил во фронтовой разведке Ленинградского и 2-го Прибалтийского.

– Трижды ранен, награждён. – Коротко отрапортовал Владимир Николаевич.

– Где? За что? – Загомонили ребята, но наш гость мягко дал понять, что пришёл говорить не о себе, но о мальчишках и девчонках, растерзанных врагами. И его миссия, пока жив, напоминать людям об этом.

Когда Владимир Николаевич узнал, что на каникулах мы собираемся в Краснодар, то загрустил, и заговорил о том, что во многих больших и малых городах, хуторах и посёлках

⁸ p. 879, B. O. Unbegaun «Russian Surnames», Oxford University Press, London, 1972

стоят памятники таким же юным героям, которые не смогли прятаться за спинами взрослых... И, хотя больше всего знают про Краснодонцев, помнить надо обо всех.

После этой встречи, на двери актового зала завхоз навесил замок. Через расширенную первоклашками щель были видны сложенные горками дощечки паркета, а в учительской поговаривали, что вскоре там будут делать ремонт. Вероятно, так оно и было, но... После Владимира Иванова, который смотрел на нас глазами Олега Кошевого, больше никого не хотелось бы видеть на той сцене.

Многое стирается из памяти: лица, имена, названия улиц, но по сию пору могу точно указать, куда Владимир Николаевич переставил поданный стул: шаг вправо от центра сцены и два шага от рампы. Место слева от себя он оставил для тех, о ком с такой любовью и болью говорил, а, выдвинувшись вперёд, как бы загораживал их собой, и был так близко от края, за которым... Кому – что, кому забвение, позор, а кому и вечная слава.

Клёст

Чем внимательнее смотрю на мир,
тем всё более поражаюсь его совершенству!

Стук в окошко поздним вечером не встревожил никак. Ну, – мало ли. Может, ветер бросил снежком, либо почудилось. Но поутру, когда я вышел из дому, чтобы поздороваться с солнцем, которое с радостным нетерпением приподнималось из-за стола горизонта, и потягивалось с нарочитым ворчанием, мол, – засиделось, пора и ноги размять... Я чуть было не наступил на птицу, – чуть побольше воробья, и кажется, будто всю в крови. Сомкнутое перекрестье клюва помогло узнать её. Это был клёст. Взяв на руки лёгкое нетленное⁹ тельце, я понёс его в известное место, и пока долбил лёд на пригорке, чтобы захоронить птицу, вспомнил нашу первую встречу с её семейством.

Дело было осенью. Сперва я расслышал над головой нечто среднее между «хрю» и визгом, а после, раздалось многократно, весёлое: «Идём! Идём! Идём! Ить!» И с шорохом пересыпаемых из мешка семян, чуть ли не мне под ноги опустилась пара почтенных¹⁰ птиц, в окружении девиц, приспешников и прихлебателей¹¹.

В самом деле, клестов-сосновиков привлёк не я, а заросли выращенного мной винограда. Я усердно трудился, ухаживая за ним. Некогда хилый кустик возмужал и, опершись на представленную для нашего общего удовольствия беседку, щедро, крупными стежками обшил её. Созревшие к концу сентября сизые ягоды были красивы, но совершенно несъедобны. Однако, стоило воткнуть в землю по соседству пару слабых веточек винограда с ещё более невкусными плодами, как, то ли из чувства соперничества, то ли в благодарность за обретение товарищей, гроздья налились столь густым сладким нектаром, что даже той малой толики, которая пробивалась сквозь плотную кожицу, хватало, дабы напоить округу благоуханием и дурманящим ароматом.

Впрочем, всё это великолепие было надёжно спрятано под сенью листьев чудовищных размеров, каждый из которых имел не менее десяти вершков¹² в ширину, и добраться до ягод было не так-то просто. Осень, без какого-либо желания услужить, но скорее по привычке, оборвала их все, открыв к винограду доступ всем, кто пожелает полакомиться.

Прилетали дрозды всех мастей, свиристели, дубоносы и разного рода дятлы, а в этот день изъявили желание пировать клесты. Скромные домашние халаты дев, цвета пыльного лимона, на фоне ярких, оранжево-красных кафтанов парней, казались до неприличия невзрачными и заношенными. Даже серо-коричневые, маркие, для удобства, одежды отроков да отроковиц, и те гляделись куда более нарядно.

Недолго пировали птицы. Быстро расправившись с большей частью ягод, клесты оставили после себя усеянную фантиками виноградной кожуры тропинку, и улетели домой, на небритую, колючую от сосняка поляну.

⁹ пропитанные хвойными смолами птицы не разлагаются после гибели

¹⁰ по причине нетленности останков пропитанной хвойными смолами птицы и участия в извлечении гвоздей из рук Христа, описанной в мифологии, клёст был весьма почитаем в народе

¹¹ юных клестов, до формирования правильного «прикуса» клюва, кормят родители

¹² 4,45 см x 10 = 44,5 см

...Мёрзлая земля поддавалась с трудом, и хотя я понимал, что никто не позарится на насквозь пропитанную сосновой смолой птицу, мне не хотелось, чтобы кто-то глумился над ней от скуки или из озорства...

Пирожок

Это был какой-то, прямо скажем, несчастливый пирожок. Тесто, из которого он был сделан, долго пролежало на уголке кухонного стола,кисло и куксилось. Хозяйка не сразу вспомнила о нём, а когда в следующий раз пекла пироги, заметила его, но, вместо того чтобы выбросить в помойную лохань, обернула тестом щепоть яблочного повидла и сунула в печку, порешив: «Авось не заметят среди других и съедят». Не желалось ей нести убыток, ну никак. Работники, которых полагалось наделить пирогами, и впрямь не сразу распознали подвох. Затерявшийся среди прочих, этот пирожок был не так румян, как остальные, и, вместо сдобного духа, издавал такой ясный хмельной аромат, что от него заранее пучило живот.

Покивав друг на друга, ибо никому не хотелось получить в свою долю того, что он не положит в рот, работники оставили было этот пирожок на полотенце, но в последнюю минуту, самый старый из мастеровых, махнул рукой, и сказавши: «Нехорошо так с пищей», – сунул его в котомку.

Взять-то он его взял, но вот покушать позабыл, или не захотел мешать с румяными, пахучими да гладкими. Ну и затерялся пирожок в котомке, стал вроде наперсника: куда по какой надобности работник, то он вместе с ним, болтается, завернутый в тряпочку, сохнет, пылится мелко.

И вот, перед самым Крещением, жинка мужичка, что по работам ходил, стряхнула котомку с лавки неловко, а ей оттуда пирожок на ногу-то и упади. Да так больно! Очерствелый, он сделался словно камень. Вскрикнула женщина, обозлившись, ухватила с пола пирожок и прямо так, босая – к двери, в сенцы, кинула во двор со злобы, и попала в стайку воробьёв, что на всякий случай щебетали во дворе, напоминая о себе, в чаянии подачки. И тут – пирожок... Дождались!

Воробьи обступили его и, расталкивая друг друга, каждый попытался отломить хотя малую толику, да не вышло. Воробьиши могли лишь чирикать¹³, но так, чтобы как следует чирикнуть¹⁴ клювом, этого они не умели.

По случаю, мимо пролетал пёстрый дятел. Услыхав¹⁵ суету подле пирожка, он опустилсь выяснять, из-за чего шум, повертел головой так и эдак, но, не думая особо долго, привычными взмахами продолбил в окаменевшем тесте дупло, ровную, круглую дырочку. А после, жмурясь от удовольствия, дятел слизывал повидло, закусывая мучными стружками. Ему очень нравилось, что они не пропадают зря, и их можно есть. Тюкая полегоньку, он расширял пустоту, подбирая каждый кусочек, что отлетал от пирожка.

Воробьи с беспокойством наблюдали за тем, как то, что показалось им негодной ни на что безделицей, крошка за крошкой исчезает у них на глазах. Впрочем, дятел был один, и скоро оказался сыт. После того, как он улетел, воробьи, а чуть позже и синицы, продолжили начатое трудолюбивой птицей. И такой воцарился переполох, такая сумятица! Синицы поцыгански трясли плечами перед воробьями, сгоняя их с пирожка, а брат брата, воробей воробья отпихивал ножкой так, чтобы другие не увидали, – совестно толкаться, не делиться стыдно, а голод не тётка¹⁶.

¹³ щебетать

¹⁴ сильно ударить

¹⁵ слух дятла тоньше зрения

¹⁶ голод не тётка, пирожка не подсунет

Впрочем, как не много было желающих откусить от пирожка, его всё никак не убавлялось. Едят его, клюют, крошат, а он вроде бы, как не делается меньше, – знай, щёки дует, да выпускает всё новые доли повидла.

Слух о чудесном пирожке разнёсся на всю округу. Даже большой зелёный дятел прилетал посмотреть на него. Приобняв за шею сосну, дабы не ронять себя, обнаруживая на миру любопытство, он хорошенько разглядел диковинку, и порешил возвратиться к ней, как покрепче сожмёт её в кулаке мороза. Тогда уж, – рассудил дятел, окромя него самого, никому не дано будет отвесть сего замечательного кушанья. Но тут, откуда ни возьмись, не смущаясь никого и нисколько, не ястребом и не тихой сапой, к пирожку подступилась соя. Малая тётка¹⁷ по отцу ворону, сестренница¹⁸ воробью по матери, важная, сиятельная¹⁹ лесная птица сойка, союшка, что носит с собою зеркальце²⁰, чтобы было куда посмотреть небу, коли будет в том нужда. Сойка не стала терзать пирожок на людях. Недолго думая, ухватила его половчее, и унесла. Вот и всё.

Один страшится, другой берёт и делает. Первому крошки, а второму – весь пирожок!

¹⁷ сестра отца или матери (двоюродная тетка)

¹⁸ двоюродная сестра, дочь сестры матери или отца

¹⁹ название птицы от «сияние»

²⁰ так называются голубые пёрышки на крыльях

За одну жизнь

Рассвет. В холодных ладонях леса зреет золотое тёплое зёрнышко солнца, и многое, что скрадывает мгла, становится явным, внятным, заметным. К примеру то, что под собранным горстью черепашиным панцирем кленового листа, посечённом иглами льда, притулился маленький шарик, – чей-то уютный дом. То орехотворка²¹, спуталась или поленилась, не долетела до дуба, заложила новую жизнь под залог своей там, где показалось ближе. И прогадала. Дуб-то не отпускает от себя листву запросто, не роняет подолгу, ни осенней стужей, ни зимним дождём, а клён – повеса и ветреник, кинул, прямо под ноги тому, кто первым пройдёт, а обойдёт или придавит, – тут уж не угадать.

Вьётся ручейком по лесу оленья лыжня. Всего в двух прыжках косули от неё – утоптанная кабаньим семейством, за одну только ночь, дорога с юга на север. Тянутся к дубу, кто за красотой, кто за мудростью, кто за силой. Есть в нём стержень²², да сокрыт глубоко. У заснеженного дуба длинная рябая шейка, как у дрозда или рябчика, только не такая пышная, сытая, как у них.

Взвалив на спину кусочек солнца, летит пёстрый дятел. Сосны, ели, лиственницы, туи просвечиваются до стволов. Пасмурный рассвет не дал бы разглядеть, что там, в ветвях, не комья заледенелого снега, а разноцветные пушистые шары воробьёв, синиц, лазоревок, снегирей... Сидят тихо, не тратят сил в мороз на чрезмерную опасливость.

– Дык- дык- дык... Тыхь... – Раздаётся вдруг холостое потрескивание мотора, что не заводится на холоде никак. «Откуда бы ему быть тут?» – Думаю я, выглядывая в окно, и вижу сойку, что похоже тархтит, надрываясь шутейно, дразнится, сверкая голубоглазо, да насмешливо хохочет мне в ответ. Так... по-человечьи.

Тут же и воробьи, – чешутся, по-собачьи, взбивают пуховые жилеты, которые носят, не снимая, с осени и до самой весны, а синица, вгрызается волчонком в присосшее к свиной шкурке сало, вырывает клочки, и проглатывая их, озирается на мир, что вынуждает не быть, но казаться грубее, чем ты есть на самом деле.

В янтарных прядях солнечного дня заметно, как заурядный деревенский деревянный заборчик, за одну лишь метель превращается в балюстраду, украшенную мраморными шарами, а поляны, с застывшими морскими волнами трав со снежно солёною пеной, – в мелководье, до которого тысяча вёрст. Но во что превращаемся мы? Всего за одну жизнь...

²¹ (лат. *Cynips quercusfolii*) – вид насекомых из надсемейства орехотворок. После того, как самка откладывает яйцо в ткань листа на листьях дуба, возникают шаровидные галлы, шары.

²² стержневая корневая система дуба; центр силы (перен.)

Мороз

Прозрачный, будто отлитый из хрусталя, лес сиял многочисленными гранями на белой, лилейной скатерти снега, и звенел едва слышно. То шалил ветер, проводя влажным пальчиком по его краю. Прислушиваясь к не имеющему пределов гудению, он клонил голову и глядел в никуда, стараясь понять, как, толкаясь друг об дружку, рождаются звуки, и улыбался, представляя, что делается им от того весело, тепло. Рассуждая в себе про брызги полутонов, которые распространяют они подле, ибо без оных никак нельзя, верил, – касаются даже лишённых понять мелодию, и тревожат их. Так матери будят поутру выстрадавших душой детей, касаясь лица улыбкой или одним лишь намерением взглянуть.

Мороз разогнал всех по гнёздам, в тепло и тишину глубины дупла. Откуда почти неслышны приглушённые, осипшие голоса шагов, не видно седого пара выдоха, и голубых, в цвет неба, бесконечных теней. Большой зелёный дятел, выбравшись с верхнего этажа сосны, кинулся в полёт, как в ому или Крещенскую купель, – трижды с головой, и, ухая от собственной удали, возвратился, не оглядевшись даже начерно. А удивиться было чему: снег, срывая последние листы с дубов тяжёлой рукой, сыпал им, как пеплом, на голову пёстроного дятла, отважно метущего клювом тропинку. И один лишь луч солнца птицей парил над лесом, не опасаясь ничего. Мороз, как не старался, так и не научился справляться с ним.

Мир, в котором есть метель

Он был до такой меры сутул, что волосы коротко стриженного затылка царапали спину. Несмотря на то, что шея не было заметно вовсе, это не портило его, но напротив, придавало облику некую солидную плавность и законченность. Присаживаясь, он по-стариковски приподнимал полы одежды, и осматривался, чтобы ненароком не замарать подол. Из опрятности или нежелания утруждать себя лишними хлопотами, тут уж, – кому что приятнее вообразить.

Как оказалось, он частенько гостил у нас, но лишь по какому-то недоразумению был представлен только теперь. Молодёжь, при виде его, конечно же сразу врассыпную, за портьеру, и ну, давай подглядывать за ним оттуда: в чью сторону обернулся, да покачал ли после головой, а, коли кивнул, то так или эдак. Но уж пока все вальсы не отыграют, – и гость сидит, и юношество носу не кажет, – или опасаются, либо стесняются осрамиться при нём.

Несколько понаблюдав за тем, метель растирала, по ходу времени, хлопья снега в муку. Явно испытывая неприязнь к ястребу, что кукольным пустым глазом с хорошо различимой хитринкой осматривался вокруг, она жалела синиц, которые из самых недр сосны с горечью следили, как скрывается под снегом чаша, случившаяся в месте единения трёх дубов, и служила им кормушкой. Ещё немного снега, еду будет не отыскать, а ночью, как обычно зимой, обещали мороз.

Не стерпела метель, уронила работу²³ наземь, да сдунула ястреба прочь, согнала:
– Лети ж ты отсюда уже, окаянный! Вижу ведь, что сыт!

Едва опасность миновала, не тратясь на капризы²⁴, синицы тут же принялись за обед, а метель подобрала с земли снег и продолжила перетирать его, довольная тем, что синицы успеют теперь и покушать, и в дупло унести, спрятать впрок.

Подыгрывая себе барабанными палочками обломанных стволов, негромко пел ветер. Деревья тёрлись друг об дружку, скрипя шестерёнками. Казалось, будто бы где-то неподалёку возится дед, привычно заводит крепкими сухими пальцами старый будильник перед сном, чтобы за чем-то проснуться поутру.

За всем этим можно было наблюдать до бесконечности, вот просто – стоять и любоваться, не мешая никому.

Косуля, издали подглядев за моим настроением, принялась обходить, – медленно и осторожно, чтобы не потревожить, не спугнуть минуты. Было заметно, что ей из-за того непросто ступать, по высокому-то снегу. Хрупкие веточки ног погружались всё глубже, сугробы жадно охватывали тонкие запястья и неохотно отпускали их. Облик косули – лесу подстать. Со стороны могло показаться, словно куст выбрался из земли и ползёт куда-то, пока не заметил никто.

Так очевиден и столь мил был порыв маленькой козочки – не оказаться помехой, что я не сдержался:

– Да ты моя маленькая!.. Маленькая козочка. Хотя... Как же я не заметил! Судя по рокам, ты – мальчик.

²³ то, чем был занят

²⁴ синицы всё пробуют на вкус языком

Поглядывая на меня, прислушиваясь к знакомому запаху, он спокойно перешёл тропинку, опередив всего на каких-то два шага, и, улыбнувшись в мою сторону, словно проговорил: «Ну, ведь правда же, красиво у нас здесь?!»

– И не говори! – Согласился я вслух.

Пока мы стояли поодаль друг от друга, снег сперва заполнил следы лисицы, которая проходила тут ночью, потом вчерашние оленя, после взялся за наши, так что довольно скоро не стало заметно даже их. Но это было совершенно неважно, как и то, любое расстояние промеж нами, оно не означало ровным счётом ничего. Мы одинаково думали. Об одном и том же. О мире, в котором есть метель.

Запретный плод

Тема урока, которая явно не интересовала одноклассников, лично меня радовала простотой и элегантностью ещё в средней группе детского сада. Речь шла о строении атома, напоминавшем систему планет. Казалось, что на поверхности одной из них обитают маленькие человечки. Они лепят крошечные куличики в миниатюрных песочницах, а когда вырастают, непременно идут в школу, и так же ленятся, подсчитывая, сколько ворон прилетело на ветку за окном, чтобы поглазеть на не ведающих своего счастья школьников, а сколько убыло. Ну, хоть какая-то польза от арифметики!

Пока мои товарищи активно сопротивлялись движению отрицательно заряженных частиц относительно положительного во всех отношениях ядра, я, устроив на коленях под партой книгу, исподтишка читал. Точнее – пытался. Накануне матерью был выкуплен очередной, двадцать четвёртый том Большой Советской Энциклопедии, и мне не терпелось просмотреть его, открывая наугад, от собак до струн²⁵. Фолиант весил килограмма полтора, не меньше, и с трудом втиснулся в набитый учебниками портфель, но жажда быть первым, кому распахнёт он свои бледные, со сладким ароматом типографской краски страницы, была куда сильнее трудностей, сопутствующих этой затее. В то время я сравнил бы себя с голодным птенцом, в открытый рот которого что ни сунь, – проглотит, не задумываясь. Одну за другой я поглощал отпечатанные мелким шрифтом статьи, с первого раза запоминая наизусть, но не чувствуя вкуса, не насыщаясь, не... не... не... Многая отрицания, витая в пространстве моей пустой головы, упруго сторонились друг с друга, от чего я розовел и неприлично, словно после урока физкультуры, потел.

Заметив моё пыхтение и неподобающую моменту возню, учитель прочистил горло, проверив настрой голосовых связок, и играя ими, как на широких струнах контрабаса, грозно завопил:

– Это что это там у нас под партой?! Это ты у нас самый умный, что ли?! Вста-ать!

Совершенно понятно, что с тяжёлой книгой на коленях я не мог подняться так скоро, как это требовалось. К тому же, был риск повредить тонкие листы раскрытого тома, и мне ничего не оставалось, как, несмотря на изменения высоты тона, силы звучания и отсутствие пауз в речи разъярённого педагога, оставаться сидеть на своём месте.

Голос учителя, будто ватой, заполнил мои припухшие от смущения уши, но яростное «Во-он!» было-таки расслышано с облегчением, и радостью.

Немедленно разогнув колени, я позволил тому энциклопедии съехать по ногам к полу, на удивление легко сунул его в портфель, и, даже не пытаясь смотреть в сторону кафедры у доски, вышел из класса.

²⁵ Том 24. Книга I. Собаки – Струна. – М., 1976. 608 стр., илл.; 35 л. илл. и карт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.